

П. А. Дружинин

ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ И ИЗДАНИЯ КНИГИ
«ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ СПИСКОВ КАВАЛЕРАМ
ЧЕТЫРЕХ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ОРДЕНОВ»

Наверное, не найдется в русской историографии другого такого случая, когда и отец и сын оказались бы знаменитыми историками. Единственный подобный пример — Николай Николаевич и Дмитрий Николаевич Бантыши-Каменские. Оба они стали непосредственными участниками событий, развернувшихся вокруг истории создания известной всем книги «Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов»¹, напечатанной в 1814 году в Москве.

Николай Николаевич Бантыш-Каменский² родился 16 декабря 1737 года в Нежине Черниговской губернии. Он происходил из семьи молдавских бояр, выехавших в 1711 году в Россию вместе со своим свойственником молдавским господарем князем Дмитрием Кантемиром. В 1739 году Бантыш-Каменский лишился отца — Николая Константиновича — и воспитывался матерью Анной Степановной, урожденной Каменской. Первоначальное образование он получил в нежинской греческой школе, а в 1745 году поступил в Киево-Могилянскую академию. Обучаясь там, он еще лучше выучил греческий язык, а также изучил польский.

Окончив в 1754 году академию, Николай Николаевич был приглашен в Москву своим дядей — епископом Переславским Амвросием

Зертис-Каменским (впоследствии архиепископом Московским). В 1755 году Николай Николаевич был записан в Московскую духовную академию, где учился и жил. Одновременно он по собственному желанию посещал лекции в Императорском московском университете и благодаря своему усердию был замечен профессорами, а затем и зачислен в университет в качестве студента, совмещая учебу в двух заведениях.

В год воцарения Екатерины Великой Николай Николаевич окончил свой курс, показав прекрасные способности в науках, а особенно в знании иностранных языков. Именно способности Бантыша-Каменского как полиглота predetermined его избрание по службе: всю жизнь он отдал Коллегии иностранных дел, а точнее говоря, ее Московскому архиву. Указом государыни от 31 декабря 1762 года он был зачислен актуариусом и дослужился до чина действительного статского советника (пожалован указом Павла I от 24 сентября 1799 года). Многократно получая предложения перейти на другую службу, намного более денежную, он навсегда остался верен архиву.

Начав изучение и описание архивных дел и бумаг, он уже не мог променять труд в архиве на что-либо другое. Огромной удачей было определение 27 марта 1766 года в архив на должность помощника управляющего коллежского советника Герарда Фридриха Миллера (1705–1783), благодаря помощи и наставлениям которого Бантыш-Каменский и превратился в прекрасного историографа.

Тем же 1766 годом датируется первая научная работа Бантыша-Каменского — «Историческое показание о времени соцарствия и о форме титулов Царевны Софии Алексеевны»³. Все последующие годы стали временем усерднейших трудов Николая Николаевича по разбору и описанию бумаг архива. Им было составлено громадное число описей дел и указателей к ним, а на основании документов архива были написаны многочисленные исторические работы⁴.

В 1783 году Бантыш-Каменский был назначен на должность управляющего архивом. В том же году им был предложен новый план устройства архива, согласно которому дела делились на «старые» и «новые», с границей на 1700 год. Внешнеполитические материалы разделялись по странам и внутри сортировались по хронологии, образовав фонды сношений с различными государствами.

Перечень работ Николая Николаевича общеизвестен; лавное место в нем занимают многочисленные описания сношений русского двора с иностранными державами, а также дел Посольского приказа. Согласно этому списку, а также некоторым отзывам современников⁵, Бантыш-Каменский представляется неким архивным червем, который только благодаря затворничеству и беспримерной по усердию работе от рассвета до полуночи разобрал и упорядочил горы архивных дел. Но это не так.

В своей работе Бантыш-Каменский был необычайно общителен, дружелюбен и всячески содействовал изданию в свет и введению в научный оборот документов вверенного его управлению архива (каковые качества разительно отличаются от характера его многолетнего помощника, а затем и преемника А. Ф. Малиновского). Бантыш-Каменский снабжал материалами по русской истории Ф. О. Туманского, В. Г. Рубана, И. Н. Болтина, И. И. Голикова, князя М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, своих друзей Н. И. Новикова и митрополита Евгения (Болховитинова).

Причем известно, что за передачу списков с архивных материалов Новикову Бантыш-Каменский получал нарекания от сослуживцев по архиву. Говоря об этом, он писал: «...подозревают, но я плюю, благодарю Бога, не зделав зла, никого не боюсь, вот мой девиз».⁶

Просматривая многочисленные архивные дела и составляя им описи, Бантыш-Каменский с самого начала своей службы постоянно делал многочисленные выписки на разные темы. Часть из этих выписок со временем составила в его исторические сочинения. Доказательством тому служат и его собственные строки, начертанные в 1800 году в посвящении к первому тому описания сношений России с европейскими державами: «...Разбирая и описывая чрез 37 лет безценныя бумаги в Коллежском Московском Архиве хранящиеся, имел я случай делать из оных краткия замечания. Собрание сих записок выросло напоследок до того, что может составить несколько томов...»⁷.

Но если многие его сочинения увидели свет, то некоторые так никогда и не были изданы. Большая часть его бумаг погибла вместе со всем имуществом в московском пожаре 1812 года⁸. Среди этих бумаг наибольшими по объему были «Записки к Истории Российской Иерархии принадлежащие» в восемнадцати портфелях, а также его многочисленная переписка, в том числе с Н. И. Новиковым. В полной сохранности остались лишь те бумаги,

которые Бантыш-Каменский вывез из Москвы в Нижний Новгород вместе с архивом⁹.

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский (1778–1850)¹⁰ был младшим сыном Николая Николаевича и Марии Ивановны, урожденной Купреяновой (обвенчаны они были 12 февраля 1775 года). Если его старший брат Владимир Николаевич (ок. 1778–1829), служивший некоторое время в Коллегии иностранных дел¹¹ и умерший в страшной тюрьме в Спасо-Евфимиевом монастыре, прославился совершенно на ином поприще, то младший унаследовал интересы отца.

Родился Дмитрий Николаевич в Москве и первоначальное образование получил в доме друга отца — сенатора А. Г. Теплова. Обучась французскому языку, истории, географии и арифметике, 16 июня 1800 года он вступил в службу юнкером в Московский архив Коллегии иностранных дел¹². Приходится признать, что продвижение Дмитрия Николаевича по службе было более заслугой связей отца: Александр I своим указом от 8 января 1801 года пожаловал его в коллежские переводчики¹³, 31 декабря 1804-го — «за отличную ревность к службе и прилежание в делах» в коллежские асессоры¹⁴.

Когда император Александр I подписал 30 ноября 1806 года в Петербурге именной указ об учреждении «временного ополчения или Милиции»¹⁵, Дмитрий Николаевич, имевший тогда большое желание заняться чем-либо более интересным, нежели служба в архиве, 16 января 1807 года вступил в милицию. Он был зачислен в Седьмую область (к ней относились Кострома, Вологда, Нижний Новгород, Казань и Вятка) в звании пятисотника, где служил адъютантом при генерале князе Ю. В. Долгорукове (1740–1830). Возвратившись к своей должности в архиве, он был награжден золотой медалью и бриллиантовым перстнем. 28 апреля 1808 года по предписанию министра иностранных дел графа Н. П. Румянцева он был отправлен в Белград для доставления туда мира для тамошних церквей, за что он был пожалован саблей от Сербского сената, а 31 декабря 1808 года, уже от русского государя, — чином надворного советника.

Как можно видеть из вышеизложенного, не раньше лета 1808 года Дмитрий Николаевич смог наконец приступить к своим непосредственным занятиям при коллежском архиве. Именно с этого времени он занялся написанием работ по русской истории, причем мы смеем утверждать, что все первые работы его являются лишь доработками отцовских материалов.

* * *

Пришло время приступить непосредственно к рассказу об издании «Исторического собрания списков кавалерам...». Дело в том, что Николай Николаевич всегда интересовался кавалерами русских орденов; он неоднократно обращал на это внимание в своих письмах¹⁶. В течение многих лет, по мере разбора архивных бумаг, он делал специальные выписки, посвященные кавалерам орденов. Эти выписки он довел до начала 1790-х годов и потом оставил это занятие, поскольку был занят подготовкой монументального Обзора внешних сношений России для Коллегии иностранных дел.

Так бы, может быть, и не понадобились эти выписки, если бы не награждение Николая Николаевича орденом Св. Анны 1-й степени, состоявшееся 1 января 1808 года. Узнав об этом, управляющий Капитулом российских императорских и царских орденов сенатор Илья Яковлевич Аршеневский (1755–1820) послал ему следующее письмо:

Милостивый Государь мой Николай Николаевич!¹⁷

Изъявляя искреннейшее мое поздравление Вашему Превосходительству с получением высочайшей милости, ордена Св. Анны 1го класса, препровождаю у сего из особенного моего к вам уважения Статуты Российскаго Ордена.

При сем случае обращаюсь с моею к вам, милостивый Государь мой, прозвобу: Капитул Российских орденов имеет так называемые вечные списки всем Кавалерам Св. Георгия, и Св. Владимира, которые от начала учреждения сих орденов всемилостивейше жалуемы были; в которые списки и вновь жалуемые по порядку вносятся — для прочих же орденов, как то: Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины и Св. Александра Невского застал я списки токмо от возстановления Капитула, то есть с 797го года наличных или здравствовавших тогда Кавалеров, а потому желая собрать и по сим орденам, кто от начала учреждения оных, в продолжении времени от Всероссийских Государей жалуемы были, просил я о сем в Коллегии Иностранных дел, но в оной ничего такового не отыскано, отзываясь, что не можно ли иметь сего сведения в Москве в Архиве иностранных дел.

А посему и обращаюсь с моею прозвобу к Вашему Превосходительству, яко сочлену Кавалерскаго сословия, дабы благоволили поручить,

кому следует, учинить из дел справку, и вместе с тем и Орден Св. Анны, со времени, когда император Петр III будучи еще наследником Всероссийского Престола, начал оной жаловать; ежели что отыскано будет, выписать из оных по порядку времени доставить ко мне, чем одолжить изволите пребывающего с истинным почтением,

Вашего Превосходительства
Покорнейшаго Слугу
Илью Аршеневского
№ 27
С. Петербург
Генваря 20 дня
1808 года
Его Превосход^{ву} Н. Н. Бантыш-Каменскому

Именно это письмо и заставило Николая Николаевича достать свои давние выписки. Поскольку его многочисленные труды уже доставили ему похвалы, чины и награды, то он решил теперь позаботиться о младшем сыне. Черновая рукопись «Исторического собрания списков кавалерам...», выполненная Николаем Николаевичем и доведенная до 1790 года, до сих пор хранится среди коллежских бумаг в АВПРИ МИД¹⁸ и даже, не имея подписи, легко узнаваема по затейливому почерку знаменитого археографа.

Кроме того, Николай Николаевич воспользовался уже готовыми фрагментарными списками кавалеров и орденскими статутами, которые сохранялись в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Некоторые из этих документов были собственноручно внесены им в опись дел Посольского приказа: «Известие, и выписки о Кавалерах ордена С. Андрея и других орденов, с показанием кто, и когда оными жалован, с 1700 по 1734»¹⁹, «Списки жалованным в Кавалеры 1) Св. Андрея и 2) Св. Александра — присланные (1794 года) из Коллегии, 1700–1745»²⁰, а также «Проекты о учреждении статуты российского Кавалерского Ордена С. Апостола Андрея»²¹.

В течение нескольких месяцев, до середины июня 1808-го, Николай Николаевич дополнял свой труд сведениями о кавалерах за 1791–1796 годы. Когда работа была закончена и сделаны беловые списки, Н. Н. Бантыш-Каменский написал 31 июля 1808 года канцлеру графу Н. П. Румянцеву (1754–1826):

Сиятельнейший Граф
Милостивый Государь!²²

Из приложенной копии с письма ко мне от г[осподина] Тайного Советника Аршеневского, управляющего Капитулом Российских Орденов, изволите Ваше Сиятельство увидеть, в чем состояло его требованиe. Приступить к оному тем убедительнейшее имел я право, что и Государственная Коллегия (по словам Его) указала ему здешний архив для отыскания жалованных с самого начала Кавалеров четырех Российских Орденов.

Исполнить сие г[осподина] Аршеневского требование тогда же поручено было от Архива Коллежскому Ассессору Дмитрию Б[антышу-] Каменскому, сыну моему, который занимался три месяца с крайним тщанием отыскивая о Кавалерах во всех хранящихся в Архиве бумагах, кажется, успел желаемому удовлетворить. Почему и приемя смелость рекомендовать вашему Сиятельству сей его труд, ревностное тщание, и покорнейшую его прозбу — поднести сей экземпляр Его Императорскому Величеству.

Так же другой экземпляр препровожден на сей же почте в Государственную Коллегию при доношении Архивском; а третий для Капитула Российских Орденов, о чем просил г[осподин] Аршеневский, и я без воли Вашего Сиятельства, на сие решится не мог.

С глубочайшим почитанием имею честь быть
Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорно-преданнейший Слуга
= Николай Бантыш-Каменский

31 июля 1808

Москва

Кроме отосланных трех экземпляров, остался еще один — рабочий экземпляр самого Николая Николаевича, который сохраняется в РГАДА²³. Он представляет собой писарскую копию форматом в лист, на 146 листах, в картонной обложке, оклеенной мраморной бумагой. В тексте имеются многочисленные пометы Николая Николаевича, а на наклейке на корешке его рукой начертано название: «Списки Кавалерам четырех орденов учинен[ные в] 1808». Алфавитный указатель, расположенный на лл. 119–146, представляет

собой рукопись Николая Николаевича, причем даже датированную им: в начале указана дата «jun 10», а в конце «jun 13». То есть составление алфавитного указателя заняло у него четыре дня, что очень красноречиво говорит о выдающейся работоспособности археографа даже в преклонных годах. Также эти пометы помогают нам однозначно датировать окончание работы над книгой конкретным числом — 13 июня 1808 года. На обороте последнего листа Николай Николаевич составил небольшой список вопросов, требующих доработки.

Вот полное заглавие этой рукописи: «Списки кавалерам четырех орденов: Св. Апост. Андрея Первозванного, Св. Великомученицы Екатерины, Св. Благоверн. Вел. Князя Александра Невского и Св. Анны, с самого учреждения их по 1797 год (в котором открыт Орденский Капитул и канцелярия Российского ордена) с приложением Статутов первых двух орденов, с означением кончины некоторых кавалеров, и с присовокуплением, для удобнейшего приискания, Алфавита фамилиям, упоминаемых здесь Кавалеров, собранные из Орденских и Церемониальных дел, с жалованных на чины и достоинства Грамот, из Министерских реляций, С.-Петербургских и Московских Ведомостей, Так же и из других бумаг и книг, в Московском Коллегии Иностранных дел Архиве хранящихся, коллежским асессором Дмитрием Бантышем-Каменским. 1808 года». В нижней части заглавного листа рукой Николая Николаевича надпись: «Такового списка три экземпляра посланы с поштою 1808 июл. 31».

Перечисленные подготовительные материалы, находящиеся в нескольких московских архивах, позволяют нам сделать однозначный вывод, что автором книги является не Дмитрий Николаевич, а его отец. Да и трудно себе представить, чтобы Дмитрий Николаевич смог за три месяца выбрать без малого полторы тысячи кавалеров «из Орденских и Церемониальных дел, жалованных на чины и достоинства Грамот, Министерских реляций, С.-Петербургских и Московских Ведомостей, также и из других бумаг и книг, в Московском Коллегии Иностранных Дел Архиве хранящихся»²⁴. Тем более что он с трудом ориентировался среди архивных бумаг, в отличие от отца, знавшего коллежский архив как свои пять пальцев.

Кавалерские списки для библиотеки Коллегии иностранных дел и для Капитула императорских и царских орденов были посланы при доношении из архива в коллегию 31 июля 1808 года²⁵. В Петербурге они были получены

6 августа, а 12 августа Коллегия иностранных дел дала определение оставить один экземпляр при коллегии, а второй отправить к тайному советнику Аршеневскому²⁶. Последний двумя днями позже получил свой экземпляр для капитула, о чем и уведомил 14 августа коллегия официальным письмом²⁷.

После отправки «Списков кавалерам» и отец, и сын продолжили свои занятия по службе. Николай Николаевич, здоровье которого с 1809 года стало заметно ухудшаться, «только тогда почитал себя совершенно здоровым и счастливым, когда несмотря на свои недуги мог собравшись с силами ходить в любимую им Архиву для беседования с драгоценными бумагами, в оной хранящимися. Там, от семи часов утра до третьего пополудни, проводил он ежедневно время свое, и среди беспрестанных упражнений не чувствовал как оно протекало»²⁸.

Что касается Дмитрия Николаевича, то он подготовил к печати и издал описание своего путешествия в Молдавию, Валахию и Сербию в 1808 году²⁹, а затем с подачи отца начал заниматься составлением жизнеописаний министров и полководцев, служивших в царствование Петра Великого, которые были впоследствии напечатаны³⁰. Вообще стоит отметить педагогическую настойчивость Николая Николаевича, привившего сыну любовь к истории. И хотя Дмитрий Николаевич шел проторенным путем, пользуясь отцовскими заделами и даже иногда почти готовыми к печати материалами, в результате именно ему русская историческая наука ныне обязана огромным количеством жизнеописаний замечательных русских особ — фельдмаршалов, министров, да и просто примечательных людей своего времени³¹.

Также Дмитрий Николаевич в 1809 году издал небольшое верноподданническое сочинение, написанное им по рассказу графа А. И. Мусина-Пушкина (1744–1817). Речь идет о редчайшем летучем издании под названием «Редкий пример уважения к старости», которое даже не попало в издаваемый ныне Сводный каталог русских книг первой четверти XIX века. В ней Бантыш-Каменский описывает трогательное посещение императором Александром I и его сестрой великой княгиней Екатериной Павловной «почтенного седиными и заслугами» канцлера графа Ивана Андреевича Остермана (1725–1811), состоявшееся в бытность их в Москве, 9 декабря 1809 года.

Вполне возможно, что составленные «Списки кавалерам» так бы и остались в рукописи, как, впрочем, и многие другие сочинения Николая Николаевича, если бы в этой истории не появился давний его друг и покровитель, русский посол в Париже и один из самых высоких русских сановников той эпохи — действительный тайный советник 1-го класса по чину генерал-фельдмаршала князь Александр Борисович Куракин (1752–1818)³².

Первые свидетельства отношений князя Александра Борисовича и Бантыша-Каменского относятся к маю 1774 года, когда Николай Николаевич сочинял родословие князей Куракиных, позднее напечатанное Н. И. Новиковым в «Древней Российской вивлиофике»³³. Причем они, несомненно, раньше не были знакомы, хотя и были в свойстве (через князей Кантемиров и Лобановых-Ростовских)³⁴. Поскольку Бантыш-Каменский жил в Москве, то он был хорошо знаком только с московскими представителями семейства князей Куракиных, особенно с князем Степаном Борисовичем (1754–1805).

Их отношения с князем Александром Борисовичем переросли в дружбу в 1780-е годы, когда князь был удален от двора и жил опале в своем Надеждине Сердобского уезда Саратовской губернии. Именно тогда Николай Николаевич, который был частью дружного московского семейного кружка Куракиных — Паниных — Репниных — Лобановых-Ростовских, стал одним из самых верных корреспондентов князя. И если, живя в Надеждине, князь получал официальную информацию из петербургских, московских и даже гамбургских газет, то наиболее интересные сведения жизни обеих столиц он черпал из частной переписки, в том числе из замечательных писем Бантыша-Каменского, ныне сохраняющихся среди княжеских бумаг³⁵. И хотя со стороны историографа нам видится в этих отношениях некоторый расчет, он явно не превышает доли его искренней привязанности к князю.

Да и князь Александр Борисович был необычайно дружелюбен по отношению к Николаю Николаевичу и всегда покровительствовал его семейству, причем не только в пору опалы, но и уже находясь на вершине власти. Еще одним скрепляющим началом была их духовная близость: князю, который хотя и был известным сибаритом, импонировала большая внутренняя религиозность Николая Николаевича (быть может, по причине этого его дочери Анна и Екатерина так и умерли девицами). Переписка их, временами замечательная своей трогательностью, пресеклась только со смертью Николая Николаевича.

Когда по восшествии на престол императора Павла I на князя Александра Борисовича излились огромные милости: чины, ордена, деньги и земли, он не забывал и многочисленных своих друзей и младших сослуживцев. Такую неллицемерную заботу о своих приближенных он впитал еще от своего «второго отца» графа Никиты Ивановича Панина (1718–1783), оставившего у подчиненных неизгладимое чувство благодарности.

Конечно, для князя Александра Борисовича, который, к примеру, был большим почитателем и переводчиком Фонвизина, наука история уже не представляла такого особенного интереса. И если в годы опалы он предавался чтению каждодневно, то после своего возвышения у него на это явно не доставало времени. И князь, будучи знатоком и ценителем литературы века Просвещения, так в нем сам и остался. Довольно ярким свидетельством его неосведомленности в литературе наступившего столетия служат строки его собственных писем с упоминаниями о Н. М. Карамзине (1766–1826). В письме к Бантышу-Каменскому от 15 октября 1801 года он просит его о допущении в архив «коллежского советника Каразина к сочинению Российской Истории»³⁶, а на следующий день в письме к Д. П. Трощинскому (1749–1829) он называет его уже «Казариным»³⁷, что, конечно, свидетельствует о том, что это имя было ему попросту незнакомо.

Но именно к князю Александру Борисовичу Куракину, который был 5 сентября 1802 года указом императора Александра I пожалован «Канцлером орденов российских», в 1810 году попал в руки список кавалерам ордена Св. Андрея Первозванного. Тогда князь был уже послом при дворе императора Наполеона Бонапарта. Получив список кавалерам, князь послал из Парижа Николаю Николаевичу следующее письмо³⁸:

17 февраля 1811.

Н. Н. Бантыш-Каменскому в Москву.

Милостивый Государь мой Николай Николаевич,
Древний Любезнейший Друг мой

Преблагодарен вам за вашу о мне память. Получа с Бутягиным³⁹ письмо ваше от 7 Генваря, не могу изъяснить удовольствие, с которым увидел и узнал почерк руки вашей. Я не могу забыть всех доказательств вашей дружбы ко мне лично и доверенной связи вас всегда с моими родными сопрягавшей; помню равномерно отличающия вас достоинства, и то стремление которое во всяком от меня зависевшем случае мне навсегда

для явного изъявления моего великаго к оним уважения. Сии чувства навсегда во мне впечатлены. <...>

Ваш Дмитрий Николаевич пошел по достойным стопам своего родителя, и своим трудолюбивым прилежаньем уже себя отличает. Прошлаго года прислал ко мне Илья Яковлевич Аршеневский самый любопытный список, им составленный об Андреевских кавалерах от первого учреждения сего ордена до установления покойным Государем ордена капитула. Сей список читал и храню я с самым большим удовольствием. С коим я ознакомился со многими из предшественников моих в сем ордене, о которых совсем не знал.

<...> Будьте здоровы и благополучны, мой почтенный друг, любите и помните меня по старому, и зная мою неспособность и, новым годом, щитайте это твердя мои старые годы, я никогда не престану быть с почтением, дружбою и преданностию, непоколебимым и преданнейшим.

Как видно из публикуемого текста, князю понравилось упоминаемое сочинение. Быть может, он и испытал желание предать его печати, но занятость на дипломатическом поприще, а также удаленность от родины не позволили тогда ему воплотить это желание.

Что касается Дмитрия Николаевича, то он, как и прежде, служил в архиве («употреблялся при переводах») и отдал в печать жизнеописание полководцев и министров Петра Великого (см. выше), а 15 мая 1812 года в сопровождении своего друга коллежского асессора графа Александра Алексеевича Мусина-Пушкина (1788–1813)⁴⁰ отправился в Константиногорск Кавказской губернии (ныне Пятигорск) в отпуск на 28 дней⁴¹. Но полученное в июне месяце известие о вторжении французов в российские пределы прервало их путешествие. Граф Александр Алексеевич, просив разрешения родителя, в ноябре отправился к действующей армии, а Дмитрий Николаевич, несмотря на свое природное стремление к воинской службе, уступил уговорам больного отца — «Если хочешь сократить жизнь мою — оставь меня»⁴² — и вернулся в архив.

Если с началом военных действий еще сохранялась вера в невозможность появления неприятеля в Москве, то когда в начале августа 1812 года русские войска оставили Смоленск, из Москвы потянулись обозы: жители поспешно покидали Первопрестольную. А 14 августа «во 2-м часу пополудни» управляющий Московского архива Н. Н. Бантыш-Каменский получил от московского генерал-губернатора графа Ф. В. Ростопчина

(1763–1826) письмо со словами: «Для предосторожности и избежания дальнейших препятствий, предлагаю вашу архиву, под ведомством вашим находящийся, не теряя времени, укласть к отправлению в то место, куда от меня назначено будет...»⁴³.

После этого началась укладка многочисленных архивных дел, которая была закончена к 20 августа. Документы были уложены в 105 больших сундуков и коробов, а для их перевозки Н. Н. Бантыш-Каменский затребовал 120 подвод. 23 августа 1812 года архив покинул Москву, а 26 числа — в день Бородинского сражения — он был уже в ста верстах от Москвы, в городе Покрове Владимирской губернии; 27 августа архив прибыл во Владимир, где ожидал распоряжений о дальнейшем пути, и 7 сентября выехал в Нижний Новгород, куда и прибыл 16 числа⁴⁴. Архив в этом путешествии, кроме управляющего, сопровождали еще 14 человек, включая вахмистра, сторожа и двух инвалидных солдат. Среди сопровождающих был и Дмитрий Бантыш-Каменский.

2 сентября 1812 года французы вошли в Москву, чтобы стать свидетелями пожара, бушевавшего восемь суток, а уже 11 числа войска оставили город. Зданию архива повезло: горел лишь один флигель, а большой корпус, который занимал непосредственно архив, не пострадал. Оставленные в архиве дела были разбросаны и изорваны, лишь малая часть была сожжена.

14 октября Николай Николаевич отправил сына в Москву для личного осмотра причиненного французами архиву ущерба. Дмитрий Николаевич увидел в Москве не только разгромленный архив, но и пепелище их собственного дома, купленного отцом за два года до этого за пятьдесят тысяч рублей. После чего Дмитрий Николаевич вернулся к отцу и архиву в Нижний Новгород, откуда 25 января 1813 года возвратился в Москву вместе с архивом. Поселились Бантыши-Каменские в спасенном от огня втором архивском флигеле.

Работа начала постепенно входить в прежнее русло, Дмитрий Николаевич начал печатать вторую часть жизнеописаний петровских сподвижников. Также он слушал лекции в Московском университете, от которого 2 июня 1813 года представил в архив свидетельство «о похвальном и успешном разным наукам обучении»⁴⁵.

Однако вернемся к формальному виновнику Отечественной войны 1812 года — князю Александру Борисовичу Куракину. Возвратившись из Франции, он 18 мая 1813 года «прибыл сюда в Москву слава Богу

благополучно»⁴⁶ и нашел среди московского пепелища невредимым свой роскошный дворец на Старой Басманной — французы пощадили его из уважения к князю Александру Борисовичу.

Встречаясь с Бантышами-Каменскими, он выразил в разговоре с Дмитрием Николаевичем желание издать составленные «им» списки кавалерам четырех орденов, после чего уехал в Петербург. Как обычно, двигателем процесса был Николай Николаевич, который, не теряя времени, писал 14 августа 1813 года к князю⁴⁷:

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

В последнюю бытность Вашего Сиятельства в Москве, Вы изволили говорить меньшому сыну моему о желании Вашем издать в свет сочиненный им в 1808-м году для Капитула список кавалерам орденов: Св. Апостола Андрея, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны. Сообразуясь с сим желанием Вашим, осмеливаюсь предложить Вашему Сиятельству, не угодно ли будет вам напечатать книжку сию на щет Капитула, в здешней типографии г[осподи]на Всеволожскаго, которая превосходит все другия красотою и исправностию набора. В случае Вашего на сие согласия, сын мой мог бы даже постараться дополнить сочиненный им список. Продажею же сей книги легко будет выручить употребленную на издание оной сумму.

Единственное желание сына моего быть полезным Вашему Сиятельству. Труд же его, за которой он никакого от начальства не получил награждения, был бы с избытком вознагражден, еслиб Ваше Сиятельство как единственный онаго виновник, согласны были причислить его, хотя сверх комплекта, к Герольдам одного из вышепомянутых трех первых орденов, чего он чрезвычайно желает, и не смел о том объявить Вашему Сиятельству, в бытность Вашу в Москве.

В сем благоденствии сыну моему, явили бы вы и мне новый опыт добраго Вашего расположения, продолжению коего поручая себя, с глубочайшим высокопочитанием и таковою же преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший Слуга
= Николай Бантыш-Каменский

Августа 14 дня
1813 года

Одновременно Николай Николаевич хлопотал для своего сына и о почетном звании герольда. Это звание было учреждено указом императора Павла I от 5 апреля 1797 года⁴⁸; полагалось по два герольда для каждого ордена. Причем герольды назначались (по указу от 4 октября 1798 года)⁴⁹ с высочайшего разрешения канцлером российских орденов — то есть князем Александром Борисовичем. К тому же герольд не мог быть чином выше пятого класса. Николай Николаевич, казалось бы, правильно все рассчитал, и князь дал обещание исполнить эту просьбу⁵⁰.

Однако назначения не случилось. И, видимо, причиной этому — установление из того же указа от 4 октября 1798 года: «Сверх же сего, повелеваем наблюдать, чтоб на таковые вакансии представляемы были Нам кандидаты от имени Присутствующих, из числа людей, никакими другими должностями неозабоченных, дабы они, имея одну только должность, могли оную с большею точностию исполнять». Таким образом, для получения этого звания Дмитрию Николаевичу было необходимо оставить службу при Коллежском архиве, чего, быть может, и желал он сам, но явно не отец.

Тем временем Дмитрий Николаевич, справившись в типографии об условиях и расценках, писал к князю⁵¹:

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Исполняя волю Вашего Сиятельства немедленно по получении отзыва Вашего к моему батюшке от 21 числа прошедшаго месяца, справился я в типографии г[осподина] Всеволожскаго во что обойдется напечатание сочиненнаго мною списка кавалерам четырех Российских орденов. Ваше Сиятельство изволите усмотреть сие из прилагаемой у сего записки. Для лучшаго ж показания Вам, как исправности набора помянутой типографии, так равно красоты литер и бумаги почитаю препроводить на одобрение к Вашему Сиятельству первый лист сей моей книги. Если Вам угодно будет издать вместе с оною два весьма любопытные Устава орденов Св. Апостола Андрея и Св. Екатерины, то Типографщик полагает книгу сию в осмнадцать печатных листов; а без сих уставов в пятнадцать. В случае вашего согласия на издание сей книги от Вашего Сиятельства будет зависеть и определение числа экземплярам, имеющим быть напечатанными. Продажею оных легко можно будет, как я полагаю, выручить издержанную на печатание сумму.

Оканчивая письмо сие приятнейшим поставляю долгом принести Вашему Сиятельству чувствительную мою благодарность за обещание

представить меня со временем в Герольды одного из трех первых описанных мною орденов. Я весьма бы остался довольным, если мог когда либо занять хотя сверх комплектное место.

Примите, Сиятельнейший Князь, прилагаемый также у сего экземпляра изданной мною недавно жизни деда моего, убиенного Преосвященного Амвросия⁵² — как слабый знак неограниченного моего к вам высокопочитания и совершенной преданности, с коими за особливую честь поставляю именоваться

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
покорнейшим слугою
Дмитрий Бантыш-Каменский
Сентября 2го дня
1813 года
Москва.

К этому письму Бантыш-Каменский приложил расценки типографии Всеволожского⁵³:

Записка
во что обойдется печатание
Списков Кавалеров Четырех Российских Орденов
в типографии Г^{на} Всеволожского

За 1,200 экземпляров сей книги (полагая оную в 18 листов) вместе с бумагою и набором — 1,332 рубля.

За 600 экземпляров (полагая также 18 листов в каждом) — 954 рубля.

За 1200 экземпляров, полагая книгу сию, без Уставов, в 15 листов — 1,110 рубл.

За 600 экземпляром, по 15 листов в каждом — 795 рубл.

За набор и печатание каждого листа берет Типографщик — 32 руб.

За стопу бумаги — 17 руб.

В каждом листе целаго завода должно быть двум стопам с половиною.

А в каждом листе половины завода: одной стопке с четвертью.

Дмитрий Б[антыш-] Каменский
Сентября 2го дня
1813 года.

Здесь мы имеем счастливую возможность подробнее остановиться на упоминавшемся господине Всеволожском и его типографии⁵⁴.

Николай Сергеевич Всеволожский (1772–1857) был другом князя Алексея Борисовича Куракина (1759–1829) и с князем Александром Борисовичем почти не был знаком⁵⁵. Прославился он прежде всего как типографщик и масон⁵⁶. Поскольку сведения о его службе в печатных источниках либо сильно искажены, либо неполны, мы приводим аттестат, выданный ему в 1802 году из Коллегии иностранных дел за подписью ее членов, первым из которых был князь Александр Борисович Куракин⁵⁷:

По указу Его Императорского Величества и по определению Государственной Коллегии Иностранных дел, дан сей аттестат находившемуся в ведомстве ея, статскому советнику Николаю Всеволожскому в том, что он службу Его Императорского Величества поступил лейб гвардии в Семеновской полк сержантом, 1786¹⁰ года. Потом, 1787¹⁰ года переведен был в лейб-гвардии в Конной полк вахмистром, 1789¹⁰ по высочайшему имянному указу пожалован в оном же полку аудитором, того ж года по имянному же указу находился волонтером в Финляндской Армии и был в походе противу шведов и в сражениях: под Бардакоским в команде принца Ангальта, под Мемелем что на Кюмени, в команде генерала лейтенанта Нумсена; под Копирсом в Его же команде; под Умилиоком в команде гвардии майора Арбенева; 1790¹⁰ переименован в оной полк из аудиторов в корнеты; 1791¹⁰ пожалован подпоручником; 1792¹⁰ послан был с собственными от блаженныя и вечно достойныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Вторыя препоручениями к королю Шведскому, за исполнение коих получил как от Ея Величества Императрицы так и от упомянутого короля знатные подарки. Того ж года по высочайшему имянному указу послан был с майором лейб гвардии Валерианом Зубовым в находившуюся армию в Польше и находился противу мятежников в сражении под Любаром июня 4¹⁰, а потом июня 7¹⁰ в генеральной баталии под Жилинцом, где командуя тремя эскадронами отбил у неприятеля две пушки с снарядами, под Владимиром, что в Волыне, отбил два штандарта народной конницы и наконец в генеральной баталии 7¹⁰ июля под Дубенкой; и 1¹⁰ июня за сражения с польскими мятежниками в знак отличия пожалован орденом Св¹⁰ Георгия 4¹⁰ класса, 1793¹⁰ пожалован поручником а сентября 2¹⁰ подполковником конно гренадерскаго полку и велено ему оставаться при шефе онаго полку помянутом лейб гвардии майоре Зубове; 1794¹⁰ находился по особенным препоручениям при генерал фельдцейхмейстере князе Зубове; 1796¹⁰ при

восшествии Его Императорского Величества на всероссийский престол из службы исключен, 1800го по высочайшему указу паки принят в оную в ведомство сея коллегии и переименован в надворного советника, 1801го года генваря 1го дня по имянному высочайшему указу пожалован в коллежские советники. А сего 1802го года минувшаго мая, 13го дня по высочайшему имянному Его Императорского Величества указу в следствие прошения его уволен из ведомства сея коллегии с награждением чина статского советника. В заключение же всего вышеписанного Коллегия Иностранных дел сим свидетельствует, что во все время бытности Его в ведомстве Ея при благородном поведении своем все препоручаемое ему исправлял с надлежащим рачением.

Хорошее отношение к Всеволожскому со стороны князя Александра Борисовича, не без участия которого Всеволожский служил и продвигался по службе в коллегии, может быть связано еще и с тем, что князь был близким другом его дяди — Всеволода Алексеевича Всеволожского (1738?–1796) — генерал-прокурора Сената и действительного тайного советника. Их переписка суть вернейшее тому доказательство⁵⁸.

24 ноября 1807 года действительный тайный советник и действительный камергер князь Алексей Борисович Куракин сменил графа В. П. Кочубея на посту министра внутренних дел. Поскольку в ведение его министерства входила и медицинская часть, то князь, сообразуясь с желанием Всеволожского, которому наскутила отставка, устроил его вице-президентом Московского отделения Императорской медико-хирургической академии. Высочайшим указом от 1 августа 1808 года он был утвержден в этой должности⁵⁹. И хотя на этом поприще он не составил о себе хорошего мнения, распоряжаясь как в своей вотчине и пристраивая на казенные должности недобросовестных своих знакомцев⁶⁰, он стал более свободным и воплотил свою давнюю мечту — создал лучшую в России типографию.

К 1809 году Всеволожский обустроил у себя в Хамовниках помещение для типографии и словолитни, причем типографскими служащими были его крепостные. Поскольку лучшее типографское оборудование производилось в Париже, он послал туда управляющего типографией Августа Ивановича Семена, женатого на Адели Мелез — дочери жены Всеволожского от первого брака, в Париж, к князю А. Б. Куракину — русскому полномочному посланнику при дворе Наполеона. Всеволожский вручил Семену следующее сопроводительное письмо⁶¹:

À Son Altesse:
monseigneur Le Prince
Alexandre de Kourakin
Ambassadeur de S. M. I.
de toutes les Russies
à Paris.

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь!

Неоднократныя опыты, вашего ко мне благорасположения, к тому же отеческия обо мне попечении и дружба брата вашего князя Алексея Борисовича, все сие даст мне смелость утруждать вас сиятельнейший князь моею прозвобу.

Зделав в Москве новое заведение Типографии, такой каковой в Отечестве нашем еще никогда не бывало, и соревнуясь достигнуть до такового же совершенства, до какова дошло сие искусство в других землях; я употребил на сие большой капитал, имея в предмете столько пользу общую, сколько и собственный прибыток; и для сего отправлен мною в Париж податель сего письма Господин Семён⁶², которому препоручил я заказать российския буквы у Дидота⁶³ и Жиле⁶⁴, а притом чтоб он вывез с собою искусных художников, как то Гравера, литейщика и проч. Я беру смелость поручить Его вашему покровительству во первых как подданнаго Российскаго Императора а потом, как человека честнаго, в коем я беру живейшее участие и которому поручена знатная часть моего имущества. Ваше Сиятельство приняв его в свое покровительство, распространите Его и на меня и тем самым усугубите приверженность мою к особе вашей и то глубочайшее почтение с каковым остаюсь

Сиятельный Князь
Милостивый Государь
всепокорнейший Слуга
Николай Всеволожской

П.П. Позвольте мне сиятельный князь известить вас что братец ваш К. Ал. Борисович не престава я мне благодетельствовать, учреждая Медико-Хирургическую Академию; предстательством своим у Е: И: В: зделал меня начальником оной, в Московском отделении в звании вице-президента.

Князь Александр Борисович, будучи натурой отзывчивой, содействовал Августу Семену в приобретении шрифтов и прочих заданиях Всеволожского. Это было для князя еще легче, поскольку он сам был любителем

книг и был знаком с Дидо. К сожалению, мы не можем судить, сколь много книг Дидо имелось в княжеской библиотеке в Надеждине, поскольку она была разорена во время революции⁶⁵. Однако среди княжеских бумаг до сих пор сохраняются письма Дидо к нему, а также к Александру I. Князь Куракин, будучи посланником во Франции, по должности занимался делами Кабинета Его Императорского Величества, закупувавшего книги для государя. 15 января 1810 года Фирмен Дидо писал к князю о покупке книг для Кабинета⁶⁶, 27 февраля того же года сообщал об их пересылке (170 томов, поименованные как «L'Academie des Sciences» в шести ящиках на сумму 12 802 франка)⁶⁷, а в 1812 году Дидо предлагал Куракину вновь подписаться на свои издания⁶⁸. С Жилле князь, по-видимому, тоже был знаком и писал о его шрифтах канцлеру Н. П. Румянцеву в депеше от 12/24 октября 1810 года⁶⁹.

Когда оборудование и шрифты приехали в Москву в начале 1810 года, типография начала свою деятельность. В 1810 году типографией были напечатаны: «Записки Якова Петровича Шаховского»⁷⁰, пособие по акушерству Ф. Мартенса⁷¹, французское издание книги И. В. Лопухина «Некоторые черты о внутренней церкви»⁷², «Критический разбор литературы по русской истории» профессора Московского университета Иоганна Феофила (Иоганна Готтлиба) Буле (1763–1821)⁷³, книга Жана Клавери по иероглифике⁷⁴, речь лейб-медика Вильгельма Михайловича Рихтера⁷⁵ и некоторые другие. Кроме того, Всеволожский в 1810 году напечатал образцы шрифтов своей типографии⁷⁶. Как можно заметить из этого перечня, в первое время типография печатала большое число книг на иностранных языках.

Покровительство министра внутренних дел давало Всеволожскому возможность большую часть своих сил отдавать типографии в ущерб службе в должности вице-президента академии. Когда же князь Алексей Борисович 31 марта 1810 года оставил эту должность, то был сменин своим товарищем (т. е. заместителем министра) Осипом Петровичем Козодавлевым (1754–1819), также близким Всеволожскому. Однако 20 мая 1810 года в процессе реформы министерств Александр I подписал указ⁷⁷, на основании которого вся медицинская часть Министерства внутренних дел переходила в ведомство Министерства народного просвещения, где с 1 января 1810 года министром был граф Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822).

Чтобы воспользоваться последними благами покровительства своего бывшего ведомства, Всеволожский 10 мая 1810 года послал О. П. Козодавлеву настойчивое письмо с просьбой о награждении. Кроме прочего, в этом любопытном послании имеются слова и об устроенной им типографии⁷⁸:

Милостивый государь!

Осип Петрович!

<...> Прежде чем окончу письмо мое утружу еще Ваше Превосходительство нижеследующей прозбой: заведя на собственное иждивение, единственную и первую Типографию на 5^{ти} языках, просил я Дмит. Алекс. Кавелина⁷⁹ припечатать в северной почте⁸⁰ письмо мое от себя, на сей щет писанное, сие бы доставило известность превосходному сему Заведению, не бесполезному при том отечественной промышленности; но господин Кавелин не удостоил меня ответом. Я прибегаю к вам прося покорно потребовав мое к нему письмо удостоить его Вашего разсмотрения, и ежели не найдете бесполезным приказать, напечатать описание моей типографии в северной почте теми выражениями какия в письме о ней находятся.

Духовной комитет поручая моей Типографии печатание греческих книг, Его сиятельство князь Александр Николаевич Голицын⁸¹, чрез обер-секретаря Данилова⁸² известил меня на прошедшей почте, что книга с отпечатками моими удостоится чрез него быть поднесена Государю императору.

Я с глубочайшим почтением и совершенною преданностию остаюсь

Милостиваго Государя

Вашего Превосходительства

покорный слуга

Николай Всеволожской.

30го Маия

1810 года.

Мы не знаем, какие были на то причины, но статья о типографии Всеволожского в свет не вышла. Однако в той же газете периодически публиковались намного более информативные статьи, например, «О русских каперсах» (№ 114, 3 декабря), «О русских анчоусах» (№ 116, 10 декабря) и другие.

Из этого письма становится наконец ясно, шрифтами скольких языков владела типография. Очевидно, эти пять языков суть: русский, французский, немецкий, латинский и греческий. Такие прекрасные возможности со временем привлекли к типографии многих. Среди тех, кто печатал книги

у Всеволожского, был и Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский. В 1812 году отпечатаны первая часть его книги о сподвижниках Петра Великого⁸³ и французское издание этой книги в двух томах⁸⁴. Отметим, что французское издание, видимо, при нашествии французов обратилось в пепел вместе со всем имуществом Бантышей-Каменских и встречается чрезвычайно редко.

Что касается типографии Всеволожского, то во время наполеоновского нашествия она, как и окружающие здания, счастливо избежала пожара и именовалась «Императорской типографией Великой армии», в которой печатались бюллетени и воззвания Наполеона. После войны типография перестала приносить Всеволожскому прибыль и в 1817 году была продана владельцем в казну.

* * *

Вернемся к истории подготовки «Исторического собрания списков кавалерам» по переписке Бантыша-Каменского.

Уже когда была достигнута предварительная договоренность с типографией, Д. Н. Бантыш-Каменский при помощи князя Александра Борисовича пытался определить окончательный состав книги. Кроме самих списков, было решено присоединить статуты и манифесты об учреждении некоторых орденов⁸⁵:

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Имею честь препроводить к Вашему Сиятельству на рассмотрение разные об учреждении Аннинскаго Шлезвиг-Голштинскаго ордена обнародования. Первый манифест об сем ордене нашел я весьма любопытным и заслуживающим помещения в издаваемой Вами книге о Российских Кавалерах. Чтож касается до последних, то по моему мнению, можно бы об оных упомянуть в ноте. Впрочем предавая все сие на благоразсуждению Вашего Сиятельства, буду ожидать от Вас о сем поведении.

С истинным высокопочитанием и таковою же преданностию, имею честь быть.

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший Слуга
Дмитрий Бантыш-Каменский

Москва
Октября 13 дня
1813 года.

Как мы говорили, рукопись заканчивалась Николаем Николаевичем в крайней спешке, и впоследствии в ней обнаружили некоторые ошибки, а также досадные пропуски. Эти обстоятельства даже спровоцировали остановку в печатании книги⁸⁶:

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Исполняя повеление Вашего Сиятельства приостановил я печатание моей книги о Кавалерах, в ожидании другого списка оным, о коем в письме Вашем, от 6го числа сего месяца, изволите Вы упоминать. Приношу чувствительную мою благодарность Вашему Сиятельству, как за доставление мне известия о кончине некоторых кавалеров, так равно и за приемлемое Вами участие в совершенстве помянутого издания. Я сам вижу недостаток в сей моей книге, касательно Кавалеров царствования Императрицы Екатерины II^а; что ж касается до тех, кои в прежния царствования были награждены знаками отличия, то как список оным почерпнут мною из хранящихся в Архиве коллежских протоколов, также орденских и Церемониальных дел, сомневаюсь найдется ли им какое дополнение в рукописи, собранной из разных мест известным Вам чиновником. Весьма бы я обрадовался, еслиб последний мог также доставить Вашему Сиятельству полной список Кавалерам ордена Св. Анны в дополнение к моему, коим я не очень доволен. О сем ордене в делах Коллежских никакого не имеется известия, ибо оный не был подчинен сему месту.

Пользуюсь сим случаем для засвидетельствования вновь Вашему Сиятельству глубочайшего моего высокопочитания и преданности с коими имею честь быть

Сиятельнейший Князь!
Покорнейшим Вашим слугою
Дмитрий Бантыш-Каменский

Москва.
Октября 16го дня
1813 года.

Поскольку князь Александр Борисович решил сам справиться в Орденском капитуле о кавалерах, то Бантыш-Каменский этому не препятствовал. Уже упоминавшийся ранее управляющий капитулом И. Я. Аршеневский сообщал князю в октябре 1813 года⁸⁷:

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

На почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства вчера мною полученнаго имею честь ответить: относительно списка кавалеров Ордена Св. Андрея от начала учреждения онаго, чиновник тем занимающийся обнадеживает что чрез два дни может оный кончить. Он извинителен Милостивый Государь потому, что ныне по многим и частым отправлениям должен быть в Капитуле. А вечер токмо занимается сею работою. Как же скоро получу оной список неумедлю к Вашему Сиятельству доставить, пребывая с отличным высокопочитанием и преданностию

Милостиваго Государя
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Элия Аршеневский

Составленный в капитуле список кавалерам ордена Св. Андрея Первозванного был послан князю Александру Борисовичу и сразу отправлен к Дмитрию Николаевичу⁸⁸:

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Письмо Вашего Сиятельства от 16го числа сего месяца и при оном список кавалерам ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, имел я честь получить вчера, на которое и поспешаю Вам ответить. Возвращая Вашему Сиятельству с чувствительнейшею благодарностию помянутой манускрипт, долгом поставляю донести, что в оном находится только десять кавалеров, о коих я ничего не сказал в моем списке. Кавалеров сих, взнесши в мою книгу, отметил я в Вашем реестре красными чернилами. Сверх сего в присланном Вашим Сиятельством манускрипте нашел я означенные кончины многих кавалеров, чем также воспользовался. Впрочем оной во всем сходен с моим, с тою только разницею, что сокращен и содержит одне имена и фамилии кавалеров.

Ваше Сиятельство из учиненных мною красными чернилами замечаний в присланном вами списке, изволите усмотреть некоторыя ошибки писца в означении годов кончины Баронов Лентулуса и Миллера; также Адмирала Круза. — Барон Лентулус, получивший орден Св. Андрея в 1776^м году — означен умершим в 1775^м, Барон И. И. Миллер-Закомельский в присланной мне Вашим Сиятельством от 6го октября записке о кончине некоторых кавалеров — означен умершим 17го февраля 1791 года; а в помянутом списке 10го октября 1790; Александр Иванович Круз в том списке показан умершим 5го мая 1795 года, а орден Св. Андрея получил в 1796^м году.

Все сие требует объяснения, которое Ваше Сиятельство легко можете получить из Орденового Капитула. Сообщением же мне онаго явите новый опыт благосклоннаго ко мне Вашего Расположения, коему поручая себя, с глубочайшим высокопочитанием и таковою же преданностию, имею честь быть

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший Слуга
Дмитрий Бантыш-Каменский
Москва
Октября 23го дня
1813 года.

10 октября 1813 года цензор Московского университета Лев Алексеевич Цветаев (1777–1835) уже выдал разрешение на печатание книги «Списки кавалерам четырех Российских орденов»⁸⁹, хотя она еще не была полностью доработана. В начале декабря 1813 года рукопись была почти завершена, а поскольку издавалась книга на средства князя Александра Борисовича, то он не замедлил с отправкой денег⁹⁰:

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Письмо Вашего Сиятельства от 15го числа сего месяца, и при оном тысячу рублей Государственными ассигнациями имел я честь получить вчерашнего дня. Примите, Сиятельнейший Князь, чувствительную благодарность за оказанное Вами в издании в свет моей книги пособие. Теперь я исправляю встречающиеся в оной погрешности, и вместе стараюсь дополнять пропущенное. Ваше Сиятельство чрезвычайно меня бы обязали, если б приказали, кому следует, справиться в Орденовом Капитуле о кончине означенных в прилагаемой у сего записке кавалеров. Простите меня, что я, надеясь на милостивое Вашего Сиятельства ко мне расположение и свойственное вам великодушие, осмелился беспокоить вас подобным образом.

С истинным высокопочитанием и таковою же преданностию, имею честь быть.

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший Слуга
Дмитрий Бантыш-Каменский
Москва
Декабря 25го дня
1813 года. <...>

<Далее рукой Николая Николаевича:>

Р. С. За напаятование обо мне, приношу Вашему Сиятельству нижайшую благодарность. В комиссии порученной сыну дозвольте и мне принять участие, где только можно будет.

С глубочайшим высокопочитанием имею честь быть
Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший Слуга
Николай Б. Каменский

В контексте нашего рассказа этот постскрипtum Николая Николаевича выглядит даже курьезно.

Когда книгу уже начали набирать в типографии, министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский, ведомству которого принадлежала цензура, прислал Дмитрию Николаевичу следующее письмо⁹¹:

Милостивый Государь Мой Дмитрий Николаевич!

Я требовал от Московского Цензурнаго Комитета присылки рукописи под заглавием: Списки кавалерам четырех Российских орденов, полагая, что она содержит в себе список нынешних кавалеров, печатаемый в Придворном Календаре, каковое издание было бы нарушением права Императорской Академии Наук. Но усмотрев из доставленного вами манускрипта, что в оном содержится история Российских орденов, не нахожу уже никакого препятствия напечатанию сей книги, но нужным считаю предложить вам, не разсудите ли переменить заглавие оной, назвав ее Историею, а не списком, что было бы привлекательнее для читателей и прекратило бы всякое недоумение.

Пребываю с истинным почтением
вам, Милостивый Государь Мой
покорным слугою

Г[раф] Алексей Разумовский

№ 3284

С.Петербург

Декабря 15^а 1813.

Дмитрий Николаевич попросил совета у князя Александра Борисовича⁹²:

Сиятельнейший Князь

Милостивый Государь!

Из прилагаемой у сего копии с письма ко мне Его Сиятельства Г-на Министра Народного Просвещения, изволите вы усмотреть желание Графа Алексея Кириловича, дабы я переменял заглавие издаваемой Вами книги о кавалерах, чего без согласия Вашего Сиятельства не могу учинить. Кажется приличнее бы было назвать сие сочинение: историю четырех орденов и проч; тем более что оно не содержит в себе одни только поименные списки. Буду ожидать на сие повеления Вашего Сиятельства.

С глубочайшим высокопочитанием и таковою же преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя

Покорнейшим Слугою

Дмитрий Бантыш-Каменский

Москва

Декабря 22 го

1813 года.

Князь Александр Борисович скрепя сердце дал согласие на изменение названия. Это было для князя тем неприятнее, что вся личность графа Алексея Кириловича ему претила. Конечно, он недолюбливал графа Разумовского, но в этом не был оригинальным, лишь выражая всеобщее к нему отношение, поскольку тот был «гордыни непомерной». Однако он не мог забыть и того, что в 1774 году граф Разумовский женился на графине Варваре Петровне Шереметевой, на которую имел виды князь Александр Борисович⁹³.

Книга была отправлена в печать с новым заглавием, которое гласило: «Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Великомученицы Екатерины, Св. Благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго и Св. Анны, с самага учреждения оных, до установления о 1797 году Орденскаго Капитула; с приложением старых Статутот первых двух орденов и ордена Св. Анны; с означением кончины некоторых кавалеров, и с присовокуплением, для удобнейшаго приискания, алфавита фамилиям, упоминаемых здесь Кавалеров, заимствованное из Орденских

и Церемониальных дел, жалованных на чины и достоинства Грамот, Министерских реляций, С.-Петербургских и Московских Ведомостей, также и из других бумаг и книг, в Московском Коллегии Иностранных Дел Архиве хранящихся Дмитрием Бантышем-Каменским. Москва, в Типографии Н. С. Всеволожскаго. 1814».

Тем временем самочувствие Николая Николаевича Бантыша-Каменского стало резко ухудшаться. Дмитрий Николаевич писал: «Он с 4го декабря занемог от простуды и не вставал с того времени с постели. Более всего беспокоят нас черныя мысли, кои теперь его занимают. Он решительно утверждает, что ему должно умереть от сей болезни, и мнительность сия еще более увеличивает и боль, и слабость его. Мы все столько огорчены его болезнию, что я не знаю, как Вашему Сиятельству описать печаль нашу. Простите мне великодушно откровенность мою. Зная любовь вашу к моему родителю, уверен я, что вы, вместе с нами, пожелаете ему скорейшаго выздоровления»⁹⁴. И хотя к новому году самочувствие его несколько улучшилось, он 24 декабря причастился Святых Таин и стал ожидать наступления смерти, которая и последовала 20 января 1814 года.

Пока Дмитрия Николаевича преследовали хлопоты по кончине отца, «Историческое собрание списков кавалерам» печаталось в типографии Всеволожского и было окончено печатанием в марте 1814 года, причем по ходу работы перепечатывались некоторые листы, изобиловавшие неточностями. Получив из типографии первые экземпляры, Дмитрий Николаевич писал князю⁹⁵:

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Наступающий радостный для всех христиан праздник Воскресения Христова, с коим от искреннейшаго сердца Ваше Сиятельство поздравляю, представляет мне приятный случай исполнить с сим долгом вместе и другой препровождением к вам отпечатанной книги моей о Российских Кавалерах, иждивением Вашего Сиятельства изданной. Будучи уверен в благосклонном Вашем ко мне расположении, смею ласкать себя надеждою, что сей мой труд будет принят Вашим Сиятельством соответственно моему ожиданию.

На первой случай имею честь препроводить к вашему Сиятельству семь экземпляров на веленовой бумаге, восемь на белой и один на простой, на коей отпечатана вся книга, как вы изволите усмотреть

из приложеннаго у сего щета Фактора Типографии Г^{на} Всеволожскаго. Совестно мне очень, что нынешняя дороговизна бумаги не дозволила ему напечатать всю книгу по препровожденному мною прежде сего к Вашему Сиятельству образцовому листу, на которой бумаге тиснул он только двадцать экземпляров. Позвольте ожидать, Сиятельнейший Князь! Вашего приказания в доставлении Вам следующих Экземпляров моей книги. Как она обошлась Вашему Сиятельству в полторы тысячи рублей, (потому что содержит в себе не 18, а 24 листа), то и цена каждого экземпляра оной не менее должна быть четырех рублей, дабы книгопродавцы могли получить себе от продажи оной выгоду. Позвольте еще Ваше Сиятельство предоставить в пользу мою двадцать экземпляров (не более) сей моей книги; вырученныя же за продажу оной деньги долгом поставлю препроводить в свое время к Вашему Сиятельству.

С глубочайшим высокопочитанием и такою же преданностию имею честь быть.

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
покорнейшим слугою
Дмитрий Бантыш-Каменский.
Москва
Марта 24 дня
1814 года.

К настоящему письму приложен счет, выданный из типографии князю Александру Борисовичу ⁹⁶:

По сему щету заплачено тысячу рублей Дмитрием Б. Каменским

<i>Типография Н. С. Всеволожского</i>		<i>Руб</i>	<i>Коп</i>
1814 26 марта	За набор и тираж Истории российских кавалеров форматом grand in-8° <...> отпечатанной в 600 экземплярах.	686	
	31 стопка с половиной обычной бумаги по 17 су	535.	50
	20 экземпляров на белой бумаге, составляющих одну стопку за 17 рублей	17	
	Английская веленевая бумага по цене 182 су за стопку для восьми экземпляров, употреблено 197 листов.	74.	86
	Итого	1313.	36

Князь Александр Борисович был обрадован, получив в самом конце марта — начале апреля напечатанную книгу. Открывалась книга посвящением: «Его Сиятельству, Милостивому Государю, Князю Александру Борисовичу Куракину, господину Действительному Тайному Советнику первого класса, Государственного Совета Члену, всех Российских орденов Канцлеру, Сенатору, Действительному Камергеру, Императорской Российской Академии и разных ученых обществ Почетному Члену...».

Что касается той части посвящения, где составитель обращался к князю, то оно, к чести автора, было лишено лести, а лишь засвидетельствовало действительные заслуги князя: «Под покровительством Вашего Сиятельства издал я в свет сию книгу; Вашими советами руководствовался в дополнении и исправлении оной: кому же как не Вам, Сиятельнейший Князь! должен я посвятить сей мой труд, коего вы единственный были виновник».

По просьбе князя Бантыш-Каменский выслал князю в Петербург несколько экземпляров «Исторического собрания списков кавалерам», которые тому были нужны для подарков⁹⁷:

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Весьма мне приятно было видеть из письма Вашего Сиятельства от 2го числа сего месяца, что книга моя о кавалерах принята Вами, соответственно моему усердию. Исполняя волю Вашу имею честь препроводить к Вашему Сиятельству десять экземпляров сей книги, прося Вас, в случае надобности, возобновить подобные требования, кои я за приятнейший долг поставлю исполнить, при искреннейшей моей благодарности за предоставление мне изданных в свет экземпляров сего сочинения.

С глубочайшим высокопочитанием и такою же преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейшим Слугою
Дмитрий Бантыш-Каменский.

Москва
Апреля 14го дня
1814 г.

P.S. <...>Испрашиваю у Вас великодушного извинения в том, что препровождаемые мною к Вам экземпляры, по причине преждевременной раздачи мною учиненной, не все на белой бумаге.

Вышедшая книга, как и предполагал некогда Николай Николаевич, доставила его сыну достаточно лавров, тем более что это был не первый «его» труд. Кроме того, в книге оказались поименованы практически все здравствовавшие тогда высшие государственные сановники, и, конечно, имя составителя не могло уйти от их взгляда. Отчасти благодаря этому Дмитрий Николаевич попросил перевести его из архива в Петербург, в Коллегию иностранных дел. Не секрет, что Дмитрий Николаевич недолюбливал свою «архивскую» работу, но при живом отце он не осмеливался просить о переводе. Когда же препятствия устранились, он указом от 22 мая 1822 года был причислен к коллегии⁹⁸.

Уже в августе того же 1814 года Дмитрий Николаевич получил назначение отправиться коллежским курьером в Париж и Вену для ратификации мирного договора с Францией. А поскольку, получив напечатанную книгу из типографии, он отправил князю в Петербург обычный экземпляр «в бумажке», то со временем он дождался от переплетчика тех экземпляров на английской веленовой бумаге. В связи с отъездом он попросил В. Ф. Боголюбова — давнего сотрудника князя — передать эти экземпляры⁹⁹. Дмитрий Николаевич писал князю¹⁰⁰:

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

По случаю неожиданного отправления моего в Париж, а оттуда в Вену Курьером, поручил я Варфоломею Филипповичу Боголюбову доставить Вашему Сиятельству два экземпляра моей книги, из коих один для Вашего Сиятельства, как слабый знак неограниченной моей к вам преданности, а другой покорнейше прошу Ваше Сиятельство взять на себя труд поднести Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице¹⁰¹. Надеюсь на благосклонное Ваше ко мне разположение осмеливаюсь беспокоить Вас таким образом, лаская себя приятною надеждою лично поднести Вашему Сиятельству, по моем возвращении в Россию, благодарность за все Ваши ко мне милости, кои я в полной мере умею чувствовать.

С глубочайшим высокопочитанием и таковою же преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейшим Слугою
Дмитрий Бантыш-Каменский.

С. Петербург.
Августа 13го дня
1814 года.

Боголюбов, получив упомянутые книги, на следующий день написал князю, что «Д. Н. Каменский при отправлении своем вчера¹⁰² Курьером в Париж, поручил мне доставить к Вашему Сиятельству при сем приложенное письмо и два Экземпляра его новаго сочинения, из коих один он просит Ваше Сиятельство пожаловать поднести Государыне Императрице»¹⁰³.

После отправления в Париж Дмитрий Николаевич 21 августа 1814 года отправился на Венский конгресс, где до 8 апреля 1815 года состоял при графе К. В. Нессельроде — знакомце князя Куракина¹⁰⁴. Стараниями графа князя П. М. Волконского император Александр I подписал 12 декабря 1814 года в Вене указ Придворной конторе, где говорилось: «Ведомства Государственной Коллегии Иностранных Дел надворнаго советника Дмитрия Бантыша-Каменскаго всемилостивейше жалуюм в звание Камер-юнкера Двора Нашего»¹⁰⁵.

О пребывании Бантыша-Каменского в Вене достаточно откровенно пишет Николай Иванович Тургенев к своему брату Сергею Ивановичу: «Скажи... что Каменский женился и живет баринoм в Москве; и что вскоре после свадьбы его открылись, но и прошли, весьма неприятные последствия амуров его венских»¹⁰⁶.

Что же касается посылки князю Александру Борисовичу, то она прошла через руки того же Н. И. Тургенева. 27 ноября (9 декабря) 1814 года он писал брату из Вены: «Письма и книги твои, любезной Сергей, я получил, также и посылку к Куракину от Боголюбова...»¹⁰⁷.

* * *

Подведем итог. Книга «Историческое собрание списков кавалерам четырех Российских Императорских орденов» была написана Н. Н. Бантышем-Каменским, в течение многих лет работавшим с документами Московского архива Коллегии иностранных дел и другими многочисленными источниками. В 1808 году, получив из Орденского капитула поручение составить по архивным документам списки кавалерам орденов, он за три месяца довел хронологию до 1796 года, составил алфавитный указатель и выдал свой законченный труд за работу сына. Уже как сочинение Дмитрия Николаевича рукопись в 1808 году была послана в Петербург, а в 1810-м экземпляр списка был показан управляющим Орденским капитулом И. Я. Аршеневским давнему другу Бантышей-Каменских князю Александру Борисовичу Куракину,

который заинтересовался ею и захотел предать ее печати. В 1813 году князь вернулся к этой мысли и, всячески помогая в исправлении и дополнении рукописи, согласился на предложение Дмитрия Николаевича напечатать книгу в Москве в типографии друга своего брата — Н. С. Всеволожского. Тогда же первоначальное название книги «Списки кавалерам четырех Российских орденов» по настоянию министра народного просвещения графа А. К. Разумовского было заменено на ныне существующее. В конце марта 1814 года книга была отпечатана: основной тираж составил 600 экземпляров, сверх того было напечатано 20 экземпляров на особой белой бумаге и 8 на английской веленовой. Посвящена книга князю А. Б. Куракину, который заплатил за ее издание 1313 рублей 36 копеек собственных денег.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Великомученицы Екатерины, Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского и Св. Анны, с самого учреждения оных, до установления в 1797 году Орденского Капитула; с приложением старых Статутов первых двух орденов и ордена Св. Анны; с означением кончины некоторых кавалеров, и с присовокуплением, для удобнейшего приискания, алфавита фамилиям, упоминаемых здесь Кавалеров, заимствованное из Орденских и Церемониальных дел, жалованных на чины и достоинства Грамот, Министерских реляций, С.-Петербургских и Московских Ведомостей, также и из других бумаг и книг, в Московском Коллегии Иностранных Дел Архиве хранящихся Дмитрием Бантышем-Каменским. Москва, в Типографии Н. С. Всеволожского. 1814.
2. Самой подробной его биографией до сих пор остается книга: Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского. С портретом его. М., 1818.
3. Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского... С. 56.
4. Список их см.: Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского... С. 56–61.
5. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 62–63.
6. Письмо Н. Н. Бантыша-Каменского Н. И. Новикову от 28 февраля 1773. См.: Полонская И. М. Новые материалы об издательской деятельности Н. И. Новикова // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 38. М., 1977. С. 221.
7. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) Ч. 1. М., 1894. с. [2].

8. Небольшая часть его выписок — 11 дел, со следами огня, сохраняется ныне в ОПИ ГИМ (ф. 45).
9. Это прежде всего его библиографические материалы (сведения примерно о 4000 русских книг кирилловского и гражданского шрифта), сохраняющиеся в РГАДА (ф. 182).
10. Биография Д. Н. Бантыша-Каменского разработана не столь подробно, как отца. Наиболее ценной является: Федоров Б. М. Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский. [СПб.], 1850; также см. кн.: Русские писатели 1800–1817. Биографический словарь. Т. 1. М., 1992. С. 153–154 (автор А. А. Ильин-Томич).
11. Владимир Николаевич Бантыш-Каменский вступил в службу 26 января 1785 года в Измайловский полк подпрапорщиком, 28 февраля того же года пожалован сержантом; 1 января 1788 года выпущен из полка «к статским делам» и 21 февраля 1788 года указом государыни зачислен переводчиком в Московский архив Коллегии иностранных дел; 31 декабря 1796 года Павел I пожаловал его надворным советником, а в 1806 году Александр I своим указом перевел его из архива в Петербург, в ведомство коллегии. 24 февраля 1810 года он был награжден орденом Св. Иоанна Иерусалимского. Находясь в отпуске в Полтаве, Владимир Николаевич 26 ноября 1818 года подал прошение на высочайшее имя с просьбой об увольнении от службы «по болезни» и получил отставку. (Все вышеперечисленные сведения почерпнуты из его прошения об отставке и выданного ему коллежского аттестата — АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-13. 1818 г. Д. 16. Л. 1–3.) Будучи всю жизнь преследуем за страсть к мужеложеству, он в 1823 году, после нескольких публичных скандалов, был выслан на три года в Вятку, затем перебрался к брату в Тобольск, но 29 декабря 1828 года был заточен в тюрьму Спасо-Евфимиевого Суздальского монастыря, где вскоре — 22 января 1829 года — скончался на 51-м году жизни и был похоронен в монастырском саду. (Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1905. С. 17, 53.)
12. В биографиях Д. Н. Бантыша-Каменского его деятельность по службе в первые годы почти не описывается. По этой причине мы пользовались его собственноручным формулярным списком: АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-8. 1815 г. Д. 5. Лл. 6–8.
13. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-7. 1801 г. Д. 4. Л. 7.
14. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-7. 1804 г. Д. 15. Л. 2–2 об.
15. ПСЗ, № 22374.
16. К примеру, начиная с 1774 года он вел постоянную переписку с князем А. Б. Куракиным и неоднократно сообщал в своих письмах о пожалованиях чинами и орденами (собр. ОПИ ГИМ).
17. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. III-20. 1808 г. Д. 1. Л. 3, 3 об., 6. Писарская копия. В верхней части запись писарскою рукою: «Оригинальное получено 25 Генв. 1808 года».

18. АВПРИ МИД РФ. Ф. 17 (Орденские дела). Оп. 1. Д. 118. Хотя дело называется «Выписка вчерне о Кавалерах Орденов Св. Апостола Андрея и Св. Александра с манифестом об учреждении ордена Св. Екатерины», оно состоит из нескольких документов. Главный в нем — указанный брूलон рукою Николая Николаевича (в четверку, л. 1–46 об.), разлинован до 1793 года, но данные имеются только по 1790 год. Также в деле имеются приложения: 1) дополнения его же рукой (л. 47–50 об.); 2) писарская копия списка кавалерам ордена Св. Александра Невского по старшинству на 30 августа 1756 года (л. 52–52 об.; по-видимому, это список особ, присутствовавших на кавалерственном празднике в честь дня Св. Александра Невского, отмечаемом 30 августа; подобные списки фигурируют в нескольких Церемониально-банкетных журналах (входят в состав опубликованного комплекса Камер-фурьерских журналов) за середину XVIII века); и 3) писарская копия Устава ордена Св. Екатерины (л. 53–57).
19. РГАДА. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 2. Л. 50. Дело отсутствует, слева в описи еще в XIX веке помечено: «нет».
20. РГАДА. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 2. Л. 50. В настоящее время дело находится в фонде 164 (Дела о российских кавалерских орденах), Оп. 1, Д. 2а. Представляет собой связку выписок разных лет, разными почерками, на 150 листах, в бумажной обертке с названием дела.
21. РГАДА. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 2. Л. 50. Дело отсутствует, слева в описи еще в XIX веке помечено: «нет».
22. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. III-20. 1808 г. Д. 1. Л. 4–5. Автограф.
23. РГАДА. Ф. 164 (Дела о российских кавалерских орденах). Оп. 1. Д. 2а.
24. Историческое собрание списков кавалерам... М., 1814. Цитируются строки с титульного листа.
25. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. III-20. 1808 г. Д. 1. Л. 1–2. Доношение из Московского архива в Коллегию иностранных дел № 416 от 31 июля 1808 года. Писарское. Подписано действительным статским советником Н. Н. Бантышем-Каменским и статским советником А. Ф. Малиновским.
26. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. III-20. 1808 г. Д. 1. Л. 7. Список с определения Коллегии иностранных дел от 12 августа 1808 года.
27. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. III-20. 1808 г. Д. 1. Л. 8. Письмо «от тайного советника, сенатора, Российских орденов казначея и Кавалера Аршеневского» в Коллегию от 14 августа 1808 года, писарское, с подписью-автографом.
28. Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского... С. 41.
29. [Бантыш-Каменский Д. Н.] Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. Д. Б.-К. М., 1810.
30. [Бантыш-Каменский Д. Н.] Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. С портретами их.

- Ч. 1–2. М., 1812–1813. Как нам кажется, для написания этого сочинения автором были в основном использованы материалы отца. Причем известно, что Николай Николаевич на рубеже веков помогал И. И. Голикову (1735–1801), задумавшему аналогичное сочинение. Его труд, за исключением жизнеописаний Ф. Лефорты и П. Гордона, изданных одной книгой в Москве в 1800 году, не был осуществлен.
31. Кроме указанного выше труда, им составлен капитальный «Словарь достопамятных людей русской земли» в восьми частях (Ч. 1–5. М., 1836. Дополнения — Ч. 1–3. М., 1847). В первых частях напечатано 502 биографии, в дополнениях — 129, включая переработанные варианты из основной части. Также в это издание большей частью вошли ранее напечатанные и переработанные биографии петровских сподвижников, а также генерал-фельдмаршалов (последние были отдельно напечатаны в книге: «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов». Ч. 1–4. СПб., 1840–1841).
 32. Биографию его см. в нашей кн.: Дружинин П. А. Неизвестные письма русских писателей к князю А. Б. Куракину. М., 2002. С. 9–75.
 33. Архив князя Ф. А. Куракина. Т. VII. Саратов, 1898. С. 295. Письмо Н. Н. Бантыша-Каменского к князю А. Б. Куракину от 8 мая 1774 года.
 34. Князь Александр Борисович был внучатым племянником княгини Екатерины Александровны Лобановой-Ростовской, урожд. Куракиной (1735–1802) — супруги князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского (1791–1731), чья тетка княжна Аграфена Яковлевна Лобанова-Ростовская (1708–1772) вышла в 1734 году замуж за князя Матвея Дмитриевича Кантемира (1704–1771), дед которого, молдавский господарь Константин Федорович Кантемир (1627–1693), был вторым браком женат на своей родственнице, боярской дочери Анне Федоровне Бантыш (?–1667).
 35. Значительная часть этих писем, за 1791–1795 годы, была напечатана П. И. Бартеневым в 1876 году в «Русском архиве» (М., 1876. Т. III. С. 257–284, 385–413).
 36. АВПРИ МИД РФ. Ф. 132 (ГКИД). Оп. 506. Д. 11. Л. 230–230 об.
 37. АВПРИ МИД РФ. Ф. 132 (ГКИД). Оп. 506. Д. 11. Л. 233 об.
 38. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 280. Л. 63–63 об. Отпуск.
 39. Бутягин Евграф Степанович, сын надворного советника. В марте 1801 года подал прошение на имя Александра I с просьбой о принятии в штат Коллегии иностранных дел (АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-1. 1801 г. Д. 18. Л. 2–26 об.) и вместе с братом Павлом «по знанию их французского и немецкого языков и других свободных наук» был принят указом от 31 августа 1801 года в коллегию с чином актуариуса, а 12 ноября приведен к присяге. Бутягин служил там непродолжительное время при князе А. Б. Куракине, и когда указом государя от 5 сентября 1802 года князь получил просимую отставку от должности вице-канцлера, сразу подал свое прошение об отставке. 12 сентября 1802 года его прошение было подано канцлеру графу А. Р. Воронцову, он распорядился 13 сентября

сделать определение Коллегии иностранных дел об отставке Бутыгина, которое и было подписано 17 сентября. (АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-13. 1802 г. Д. 4. Л. 1–3.) После этого князь Куракин отправил его управляющим в Надеждино Сердобского уезда Саратовской губернии, где он находился до начала 1810-х годов.

40. Граф Александр Алексеевич Мусин-Пушкин был вторым сыном обер-прокурора Святейшего синода и известного ценителя древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (1744–1817), он был ровесником Дмитрия Николаевича и также в начале своей карьеры служил в Московском архиве (указ о причислении его туда подписан 29 сентября 1801 года — АВПРИ МИД РФ. Ф. 132 (ГКИД). Оп. 506. Д. 10. Л. 38 об.); семья их, в свою очередь, дружили. Граф был истинным наследником своего просвещенного родителя, знал пять языков, был членом Московского общества истории и древностей российских и, кроме того, был известен беспримерной воинской храбростью. Его «Дневник», а также стихотворения, переводы и прочие сочинения погибли в московском пожаре 1812 года вместе с собранием древностей А. И. Мусина-Пушкина. Сам же он вступил в ноябре 1811 года в Ярославское ополчение (снаряженное на средства отца) капитаном и отправился в Пруссию к действующей армии. Находясь уже в чине майора, 21 марта 1813 года граф был смертельно ранен при взятии Люнебурга и 24 числа скончался на 25-м году жизни. В память своего друга Дмитрий Николаевич в том же году написал его биографию, тогда же напечатанную (Речь Флавиана, патриарха Антиохийского к греческому императору Феодосию, просительная о помиловании города Антиохии, [Перевод графа Александра Мусина-Пушкина] с присовокуплением жизни Переводчика. М.: В типографии Н. С. Всеволожского, 1813. С. 3–22). Позже эта биография была перепечатана в журнале «Пантеон славных российских мужей» (М., 1816. Ч. I. № 4. С. 286–304).
41. Белокуров С. А. Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 г. М., 1912. С. 17. Графу А. А. Мусину-Пушкину отпуск дан 16 мая.
42. Цит. по: Федоров Б. М. Указ. соч. С. 6.
43. Белокуров С. А. Указ. соч. С. 10.
44. Белокуров С. А. Указ. соч. С. 27–31.
45. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-8. 1815 г. Д. 5. Лл. 6 об.–7.
46. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 257. Л. 40.
47. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 313. Л. 128–129. Писарское, с подписью-автографом.
48. ПСЗ, № 17908.
49. ПСЗ, № 18687.
50. Николай Николаевич не упускал случая воспользоваться расположением князя. В 1802 году он просил за старшего сына — Владимира, на что князь ответил: «...Вы не можете сомневаться в готовности моей ко всему тому что к пользе

сына вашего послужить может и что от меня зависит; и естли токмо он будет поступать будет по стезям отца своего» (3 марта 1802 года. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 993. Л. 93 об.). Хотя желания отца не всегда совпадали с возможностями князя: «...Чтобы сын ваш Володимер помещен был в число находящихся при канцелярии моей, должен равномерно В. Пр^{ву} отозваться невозможностию, которую надеюсь и вы оспоривать не будете; потому что она большею частию происходит от того, что Канцелярия моя весьма многими уже наполнена, и что хотя один прибылой не стеснил бы оную конечно, однакож я за правило поставил от принятия вновь несколько времени воздержаться» (26 мая 1802 года. Там же. Л. 186 об.).

51. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 314. Л. 11–12 об. Автограф.
52. Речь идет о книге «Жизнь преосвященного Амвросия, архиепископа Московскаго и Калужскаго, убиеннаго в 1771м году» (М., 1813), написанной Д. Н. Бантышем-Каменским по материалам и рассказам отца.
53. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 314. Л. 13–13 об. Автограф.
54. В многочисленных словарных статьях о нем говорится, что он, помимо прочего, был основателем «лучшей в Москве типографии», которая обладала шрифтами на многих языках и стоила ему 150 тысяч рублей; управлял ею А. Семен. Однако этим сведения о Всеволожском-типографе и ограничиваются. Кроме того, во всех без исключения статьях о нем неверно указаны годы его продвижения по службе в 1790–1800-е годы.
55. Все немногочисленные письма, посылавшиеся Всеволожским к князю Александру Борисовичу (кроме публикуемого ниже, переданного с нарочным), он передавал через князя Алексея Борисовича, который влагал письма Всеволожского в свои и так отправлял к брату. Что же касается переписки Всеволожского с князем Алексеем Борисовичем, в основном по делам службы, то книга отпусков писем князя сохраняется в ОПИ ГИМ (Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 1736. 205 л.).
56. С 1811 года в его огромном пречистенском доме (занимавшем большую часть Всеволожского переулка) работала масонская ложа La Félicité (см.: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. М., 1909. С. 385; Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. М., 2001. С. 1025–1026), в которую входил также А. Семен.

Что касается типографии, то уже в некрологе Всеволожского тому посвящены следующие строки: «Между тем на собственный капитал завел превосходную типографию, выписал из Парижа от славного Дидо (Didot) образцовые литеры и, не щадя издержек, издал много сочинений ученого содержания, особенно на старом и новом греческом языке» (Литературный отдел Московских Ведомостей, 1857 года, февраля 21го, № 23. С. 104); в том же некрологе указаны неверные данные о службе Всеволожского, откуда впоследствии они попали в большинство его биографий.

57. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-13. Д. 38. Л. 2 об. — 3 об. Печатается по коллежскому отпуску.

Поскольку этот аттестат не лишен вопросов, сделаем необходимые уточнения.

- 1) Орден Св. Георгия был пожалован ему 28 июня 1792 года с формулировкой «За храбрые и мужественные подвиги, оказанные при поражении войск противной фракции 4 июня 1792 года в Городище». 2) Датированное в этом документе и в печатных источниках 1793 годом награждение чином подполковника противоречит ответу из Военной коллегии в Коллегию иностранных дел, где датой получения чина указано 20 июня 1798 года — АВПРИ МИД РФ. Ф. 2 (ВКД). Оп. 2/2. Разр. IV. Род 1. 1800 г. Д. 18. Л. 4. 3) Указ о принятии Всеволожского в службу был подписан 26 ноября 1800 года в Петербурге: «Исключенного из службы подполковника Всеволожского переименовав с старшинством в Надворные Советники повелеваем числить в ведомстве оной Коллегии» — АВПРИ МИД РФ. Ф. 2 (ВКД). Оп. 2/2. Разр. IV. Род 1. 1800 г. Д. 18. Л. 1. А 10 декабря 1800 года Всеволожский, вступив в коллежскую должность, присягал на верность уже императору Александру I — см. клятвенное обещание. Печатное, внизу автограф: «По сему формуляру присягал Государственной Коллегии иностранных дел Надворный Советник и Кавалер Николай Всеволожский». — АВПРИ МИД РФ. Ф. 2 (ВКД). Оп. 2/2. Разр. IV. Род 1. 1800 г. Д. 18. Л. 5. 4) В июле 1801 года он подал прошение об отпуске на пять месяцев для поездки в свои подмосковные и владимирские деревни, на что, по-видимому, при покровительстве графа Никиты Петровича Панина (1770–1837), «Государь император указать изволил 30 июля 1801 года уволить Всеволожского в отпуск по 1 генваря 1802 года» — АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-14. 1801 г. Д. 36. Л. 1–2. Вернуся Всеволожский в коллегию в срок — АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-14. 1801 г. Д. 36. Л. 5. 5) Указ от 13 мая 1802 года об увольнении его в отставку гласил: «Находящегося в ведении Государственной Коллегии Иностранных дел коллежского советника Николая Всеволожского по прошению его всемилостивейше увольняем от службы с награждением чина статского советника» — АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-13. Д. 38. Л. 2.
58. Письма В. А. Всеволожского к князю А. Б. Куракину сохраняются во многих томах княжеского архива в ОПИ ГИМ. Ф. 3. Большинство их помещено в разделе «Дружеския письма».
59. История Императорской военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798–1898. СПб., 1898. С. 166.
60. Там же. С. 188.
61. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 265. Л. 223–223 об. Адрес на л. 224 об. Автограф. Письмо без даты; помещено в томе княжеской переписки, озаглавленном «Письма разных особ ноябрь-декабрь 1809». То обстоятельство, что Всеволожский упоминает о своем назначении годичной давности, может быть объяснено и тем, что он не состоял в постоянной переписке с князем и не имел случая сообщить ему об этом ранее.

62. Упоминание Семена в данном контексте довольно важно, поскольку ранее считалось, что он приехал в Россию, сопровождая из Франции шрифты Дидо. Это утверждал Б. Л. Модзалевский (Август Иванович Семен. СПб., 1903. С. 3), а вслед за ним и автор этих строк (Дружинин П. А. К биографии типографа и книгоиздателя Августа Семена // Книга: исследования и материалы. Сб. 72. М., 1996. С. 212). Из публикуемого письма становится ясно, что А. Семен жил в России еще до своей поездки в Париж.
63. Дидо Фирмен (Didot, 1764–1836) — представитель знаменитой французской династии печатников и издателей. Возглавил семейное дело в 1789 году. Фирмен Дидо изобрел стереотипию и ввел систему измерения шрифтов. В 1811 году был назначен типографом Французского института, а с 1814 года — печатником короля. Император Александр I отправлял к Дидо русских учеников для постижения ремесла. В 1827 году Фирмен Дидо передал детям производство, состоявшее из литейного цеха, бумажной фабрики, типографии и книжной лавки.
64. Жилле Жозеф-Гаспар (Gille) — владелец типографии и знаменитой еще со второй половины XVIII века шрифтолитейной мастерской, основанной его отцом. Приняв руководство семейным делом в 1789 году, он, несомненно, под влиянием Дидо разработал много новых превосходных шрифтов, а также перенял у Дидо систему измерения шрифтов пунктами. В 1808 году он выпустил альбом шрифтов и виньет, состоящий из 566 образцов, исполненных в стиле господствовавшего тогда ампира («Recueil de divers caractères, vignettes et ornemens de la fonderie et imprimerie de J. G. Gillé». Paris: De l'imprimerie de Gillé fils, 1808). Благодаря этому альбому его шрифты стали знамениты в Европе и соперничали со шрифтами Дидо. Затем он разработал виньеты и шрифты входившего в моду романтизма. В сентябре 1827 года его литейный цех печатных шрифтов был выкуплен О. де Бальзаком.
65. См. в очерке «Судьба архива князя Куракина» в нашей книге «Неизвестные письма русских писателей князю А. Б. Куракину». М., 2002. С. 89, 91.
66. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 273. Л. 67.
67. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 271. Л. 85.
68. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 296. Л. 100–100 об.
69. АВПРИ МИД РФ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 468. Е. х. 9027. Л. 145. Самой депеши в деле нет, имеется только краткое указание на ее содержание.
70. Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. Ч. 1. М., 1810.
71. Мартенс Ф. Г. Опыт полной системы теоретического и практического акушерства. Сочинение, отработанное по новому плану для преподавания лекций. С одним рисунком / Пер. с немецкого Л. И. Роборовского. Ч. 1. М., 1810.
72. [Lopukhin I. V.] Quelques traits de l'Eglise intérieure. [Trad. du russe par Charles Aviat de Vataj]. М., 1810.
73. Buhle J. G. Versuch Einer Kritischen Literatur Der Russischen Geschichte. Erster Theil Enthaltend Die Literatur Der Aelteren Allgemeinen Nordischen Geschichte. М., 1810. Единственная вышедшая часть.

74. Clavery J. P. Table Explicative des Hieroglyphes, Symboles et Emblemes; suivie de celle animaux, arbres et plantes consacres à differentes divinites. M., 1810.
75. Richter G. M. Oratio pro munere praesidis adeundo in conventu publico Societatis physicomedicinae apud universitatem caesaream Mosquensem institutae die III Decembri anni 1810. M., 1810.
76. Collection de differents d'écriture pour servir de modele. M., 1810.
77. История Императорской военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет, 1798–1898. С. 166.
78. ГАРФ. Ф. 728 (Зимний дворец). Оп. 1. Кн 1. Д. 845. Л. 1–2 об.

Вот начало этого интересного письма:

Из предписания Вашего Превосходительства в Московское отделение Императорской Медико-Хирургической Академии узнал я, что состою ныне под начальством Г^{на} Министра Народного Просвещения. Лишась начальства вашего не думаю, чтоб когда нибудь лишился вашего покровительства, которое всегда столь лестно было для меня заслужить, всегдашнее благорасположение ваше к отцу моему и ко мне дают мне надежду, что в последнее прехождение мое в службе не оставите Ваше Превосходительство подать мне руку помощи с честью ее оставить не одною моею к вам преданностию, но смею сказать, деятельностью и ревностию с которою я всегда ея проходил я заслуживаю внимание ваше, и потому правительства! Возмите терпение пробежать список моей службы и вы увидите изволите, что десять сражений в которыя я отличился, что особья препоручения доказывающия доверие начальства остались без награждения, сверстники мои давно превзошли меня чинами: никакая!> прослуга, никакое упущение моей должности, не подвергали никогда ревность мою к службе, ниже смею сказать способности мои никаким сомнениям; теперь оставляя службу единственное желание мое есть получить посредством покровительства Вашего Превосходительства при отсылке моей в Герольдию какой-нибудь знак благоволения Монаршаго; не честолюбие меня сего желать заставляет; но единственно желание послужить согражданам, а что и в сей последней, несомой мною должности, преходил ея с честью, и заслужил милости справедливаго Монарха; и так есть ли осмотр Медицинского архива, разборка медикаментов; и покупка вновь оных более нежели на 200 т.[ысяч]; в полное распоряжение мое отпущенных, оправдали доверенность мне зделанную не только хорошим исполнением, по доставлении казне большого прибытка; Ежели все сие заслуживает награждение, то честью смею уверить Ваше Превосходительство, что учреждение и ход данной мною московскому отделению Академии еще более заслуживает внимание начальства: сию правду узнают со временем. И хотя поздно, но отдадут мне справедливость! Все сие заставляет меня наиубедительнейше просить вас изходатайствовать мне, при отдалении моем от должности получаемое мною жалованье, или крест святаго Владимира 3^и степени или Аннинской с алмазами, Чин мой прехождение безпорочное в службе а паче всего ваша справедливость удостоверят меня, что я его лишен не буду.

79. Кавелин Дмитрий Александрович (1778–1851), в будущем директор Императорского петербургского университета. В 1810 году он служил по ведомству Министерства внутренних дел.
80. Имеется в виду «Северная почта или Новая Санкт-Петербургская газета». Орган департамента почт Министерства внутренних дел, первый номер вышел 3 ноября 1809 года, просуществовал до 1819 года. В 1809–1810 гг. по 4 страницы в номере. Редактором газеты с 1809 года состоял чиновник министерства и переводчик Михаил Никитич Цветков (1771–1813).
81. Голицын А. Н., князь (1773–1844), любимец Александра I. В 1810 году он был членом Государственного совета и главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий.
82. Данилов Андрей Данилович (ок. 1777–1823) — обер-секретарь Святейшего синода, скончался в чине коллежского секретаря.
83. [Бантыш-Каменский Д. Н.] Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. С портретами их. Ч. 1–2. М., 1812–1813. (Поступила в продажу в 1814 году — см.: Сводный каталог русской книги 1801–1825. Т. 1. М., 2000. С. 90.)
84. Bantych-Kamenskii D. Exploits des illustres généraux et ministres qui ont servi sous le règne de Pierre le Grand. М., 1812. 2 vol. in-4.
85. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 314. Л. 85. Автограф.
86. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 314. Л. 98–98 об. Автограф.
87. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 314. Л. 93. Автограф. Без даты [октябрь 1813].
88. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 314. Л. 112–113 об. Автограф.
89. В «Сводном каталоге русской книги 1801–1825» (Т. 1. М., 2000, С. 91) указано, что в НБ МГУ сохраняется цензурный экземпляр 1-й и 2-й частей книги. Однако в действительности в фонде указанной библиотеки его нет, и, очевидно, это упоминание является ошибкой; скорее всего, оно относится к одному из двух изданий жизнеописаний сподвижников Петра Великого, состоящих из двух частей.
90. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 314. Л. 59–60. Автограф.
91. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 309. Л. 157–157 об. Копия рукой Д. Н. Бантыша-Каменского.
92. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 309. Л. 155–156. Автограф.
93. Подробнее об этом см.: Дружинин П. А. Неизвестные письма... С. 21.
94. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 309. Л. 156 об. Приписка к письму к князю А. Б. Куракину от 22 декабря 1813 года. Автограф.
95. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 317. Л. 88–89 об. Автограф.
96. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 317. Л. 90. Оригинал на французском языке, мы публикуем перевод. Текст курсивом — печатный. Вверху расписка Д. Н. Бантыша-Каменского на русском языке (автограф).

97. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 317. Л. 147–148. Автограф.
98. Б. М. Федоров (Указ. соч. С. 7) пишет, что сделано это было благодаря ходатайству князя П. М. Волконского (1776–1852). Это, конечно, возможно, но все-таки надо учитывать, что князь тогда вместе с действующей армией участвовал в заграничном походе и вернулся в Россию только в конце 1815 года. Скорее всего, Федоров путает это с награждением Бантыша-Каменского чином камер-юнкера, благодаря князю Волконскому (см. ниже; Федоров об этом умалчивает). По-видимому, это назначение осуществилось благодаря хорошим отношениям князя Александра Борисовича с состоявшим тогда при государе статс-секретарем, будущим министром иностранных дел Карлом Васильевичем Нессельроде (1780–1862); они были хорошо знакомы еще со времени Тильзита.
99. Боголюбов Варфоломей Филиппович (ок. 1787–1842), сын статского советника Филиппа Петровича Боголюбова, покончившего жизнь самоубийством в начале павловского царствования. Князь А. Б. Куракин по просьбе императрицы Марии Федоровны взял его к себе в помощники около 1799 года, находясь в отставке. Когда же, после падения графа Ф. В. Ростопчина, указом Павла I от 20 февраля 1801 года князь был восстановлен в своей прежней должности вице-канцлера, то он позаботился и о Боголюбове: 21 февраля государь своим указом, данным вице-канцлеру, изволил коллежского асессора Боголюбова «причислить к Коллегии Иностранных дел» (АВПРИ МИД РФ. Ф. 132 (ГКИД). Оп. 506. Д. 10. Л. 22). Затем Боголюбов состоял при генерале графе Романе Карловиче Анрепе, после чего в 1806 году был награжден орденом Св. Анны 2-й степени и почти сразу был сделан герольдом ордена Св. Анны (Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 61, 63). В 1811 году Боголюбов ездил для лечения на воды в Баден-Баден, причем государь пожаловал ему на это две тысячи рублей ассигнациями (АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-14. 1809 г. Д. II. Л. 7). А вскоре после написания публикуемого письма стараниями князя Куракина Боголюбов получил назначение от К. В. Нессельроде в испанскую миссию (указ об этом был подписан государем 17 августа 1814 года) и выехал из Петербурга в октябре месяце. Быть может, это и совпадение, но в конце 1818 года, вскоре после смерти князя Александра Борисовича Куракина, Боголюбов был выведен из штата Коллегии иностранных дел и причислен к Герольдии с жалованьем 1000 рублей (Письма Александра Тургенева... С. 167). Затем он пользовался покровительством графа С. С. Уварова. Подробный портрет Боголюбова (вовсе без прикрас) можно увидеть в «Записках моей жизни» Н. И. Греча, где он описывает его как «человека, всеми презираемого, всем известного своими гнусными делами и везде находящего вход, прием и наружное уважение!»
100. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 318. Л. 160–160 об. Автограф.
101. Имеется в виду вдовствующая императрица Мария Федоровна (1759–1828), с которой князя связывала давняя дружба.

102. Эта дата отъезда (13 августа 1814 года) противоречит, а быть может, и просто уточняет дату, указанную самим Бантышем-Каменским в формулярном списке — 22 мая 1814 года (АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-8. 1815 г. Д. 5. Лл. 6 об.-7.)
103. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 318. Л. 165. Из Петербурга, от 14 августа 1814 года. Автограф. Имеется в виду императрица Мария Федоровна.
104. Все даты даны по: АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-8. 1815 г. Д. 5. Лл. 6–8. Там же указано, что 31 марта 1815 года он пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени, 2 апреля 1815 года — орденом Св. Иоанна Иерусалимского, а 11 мая получил от прусского короля орден Красного орла 3-го класса.
105. АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-8. 1815 г. Д. 5. Л. 4. Писарская копия. Еще до того, как Бантыш-Каменский увидел указ государя, это было объявлено ему «изустно» князем П. М. Волконским. Хотя Дмитрий Николаевич получил придворное звание, он вплоть до своего назначения тобольским гражданским губернатором с пожалованием чина действительного статского советника (указ подписан государем 13 марта 1825 года) числился в ведомстве Коллегии иностранных дел (АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (АД). Оп. IV-13. 1825 г. Д. 12. Лл. 1–2.).
106. Письмо от 4 января 1817 года, из С.-Петербурга. Цит. по: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу / Литературный архив. М.-Л., 1936. С. 209. Причем в биографическом словаре личных имен (с. 516) ошибочно сказано, что имеется в виду Владимир Николаевич Бантыш-Каменский.
Вообще говоря, Дмитрий Николаевич любил бывать за границей, однако он в дальнейшем был сильно занят делами по службе и совершил свое очередное и последнее путешествие по Европе только в 1847 году (см. его французское письмо к сестре Анне Николаевне от 10/22 сентября 1847 года из Берлина, написанное после приезда из Вены — РГАДА. Ф. 11 (Госархив, разр. XI). Оп. 1. Д. 285 доп.).
107. Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу / Литературный архив. М.-Л., 1936. С. 135. Вполне естественно, что о содержании упомянутой посылки в комментарии ничего не сказано.

